

Загадки театрального сезона

Сезон 1986/87 г. был, что называется, трудным. Надежды возлагаются на будущий, тот, что в эти дни начинет свой путь. Хотя, честно говоря, его перспективы загадочны. Да, конечно, искусство часто непредсказуемо, его движение заранее спланировать невозможно. Но ведь обычно, зная сегодняшние достижения театрального процесса, уме завоеванные театром высоты, можно хотя бы предположить, в каком направлении он пойдет дальше, что будет питать его интересы, чьим автором или обвинителем он будет выступать, какую личность поставят в центр своего внимания, что уже в найденном и обретенном получит свое дальнейшее развитие. В данный же момент строить прогноз затруднительно.

И прежде всего потому, что многие ведущие наши театры в прошедшем сезоне заняли, как говорится, вынужденную позицию. Причины того понять можно. Огромные перемены, проходившие в стране, те внутритеатральные события, которыми отмечен прошедший сезон — эксперимент, создание Союза театральных деятелей, — все это, естественно, имело самое непосредственное отношение к повседневной жизни театральных коллективов. Скажем прямо, реакция на них не была не только творческая, сколько буржуа-организационная. Нервная внутритеатральная Борьба охватила многие сцены. Да сих пор что ни день в редакции газеты появляются парламентеры от различных групп с просьбой помочь им разобраться в запутанной, часто конфликтной ситуации их бытия. Время демократизации и гласности обнажило многие белые театра, организационные, и художественные. Их надо, конечно, обдумать, проанализировать, перекинуть. Так же, как идёт художник серьезно, глубоко и ответственно осмысливать происходящее в общественной жизни. И не только осмысливать, но и найти свое место в ней, определить свою позицию, свое отношение ко всему, что происходит вокруг, свою взгляд на человека и его судьбу. Время для всего этого, безусловно, требуется, ибо скоропалательный отклик на социальную давность ситуации вряд ли может быть особенно глубок и содержателен. Так что в минувшем сезоне театр хотя и продолжал ежесезонно принимать зрителя (а он вообще может работать годами, не прибавляя в афиши новых названий), — одна из специфических черт теат-

ра), но передышку тем не менее себе позволил.

Можно конкретно назвать крупнейшие театральные коллективы, которые по сути еще только приступают, должны приступить, к интенсивной работе, определяют свою идеино-творческую позицию. Став главным режиссером Малого театра, В. Андреев в прошедшем сезоне не обнародовал свое творческое кредо как руководитель старейшей русской сцены. На сегодняшний день во МХАТе — две самостоятельные труппы, о творческой жизни которых еще только предстоит узнать. Общественность необычайно сложная ситуация в Театре имени Евг. Вахтангова. Так или иначе, но «промотчили» Г. Товстогонов, М. Захаров, Г. Волчек, без главных режиссеров подошли к новому сезону московские театры имени А. С. Пушкина и на Малой Бронной. Не очень ясно, как будет складываться жизнь в Театре на Таганке. Ушли из жизни замечательные актеры А. Миронов и А. Папанов — потеря для Театра сатиры невосполнимая.

А ведь все это — ведущие театры, во многом определяющие театральный климат страны.

Были ли поставлены в прошедшем сезоне спектакли, по праву не обойденным вниманием критики? Конечно. Бурные волнения и споры вызвали «Гамлет» в Московском театре имени Ленинского комсомола, «Спортивные сцены 1981 г.» в Э. Радзинского в Театре имени М. Н. Ермоловой, «Гамлет» А. Галина во МХАТе и его же «Стена» в «Современниках». Успехом отмечены «Король Лир» в Тбилисском театре имени Ш. Руставели, «Холостяк» П. Гайдара в Малом. Но сцене появились произведения, о которых многие годы режиссеры не могли и мечтать: «Кабанчик» В. Розова, «Рыжая кобыла с колючими щипами» И. Друца и «Самоубийца» Н. Эрдмана, «Ницца, или Смерть Занда» Ю. Олеши, «Собачье сердце» по М. Булгакову — впервые в стране они поставлены в театрах Русской драмы в Риге, Сатиры, Миннатор и Юного зрителя в Москве. Появились еще вчера, назалось, напрочь отринутые из нашей сцены пьесы Ионеско, Беккета, Миллера, Конто. Все это несомненные сдвиги в репертуарной политике, хотя сценическое прочтение этих произведений далеко не всегда было адекватно авторской мысли и силе художественного слова. Не мо-

жет не радовать и тот факт, что уважающие себя театры не обращались к произведениям явно континентальным, на потребу дня, так часто ранее выдаваемым за полотна особой общество-политической значимости.

Интерес вызвали гастроли в Москве различных театров страны, в частности Украинского имени И. Франко, Белорусского имени Я. Купала, Ташкентского русского имени М. Горького, Ленинградского имени Ленсовета, Иркутского тюза. Принесены были постановки разных лет, многие из них пользовались успехом. Но если говорить о новых работах, и сожалению, широкая театральная периферия, занятая по преимуществу уединением своих внутренних дел, мало что смогла предложить зрителю. В этом отношении, вопреки ожиданиям, не вырвалась вперед и молодежь, что продемонстрировал довольно юный Всесоюзный фестиваль молодежных спектаклей в Томске.

Увы, мы одна премьера прошедшего сезона не стала тем безупречным, поистине народным событием, которое бы в полном смысле слова потрясло, захватило ум и сердце. Ни один спектакль не явил нам той глубины и силы в осмыслении нашей истории и для сегодняшнего дня, примеры которых дали в последнее время литература, кино, публицистика.

Есть и еще один момент в общей театральной практике, о котором есть резон подумать. Жанровое однообразие. Пожалуй, чаще всего можно столкнуться с драматическими сценами, поскольку правдоподобно воспроизводящими бытовую реальность действительности. Лишь считанные постановщики проявляют вкус к изобретательным сценическим решениям, умеющим нестандартно волюстить драматическое произведение на подиумах. Из театра ушла не только трагедия, не только полноценная сатира, но, кажется, забыты и комедия, и тем паче водевиль. Эмоции, слезы, смех — редкие гости в зрительном зале. Смотрим более или менее внимательно, аллюзии более или менее активно — не маловато ли для такого искусства, эмоциональность которого как будто еще никем не отменялась?

Повсеместно наблюдается спад зрительского интереса к сцене. Полупустые залы — явление для нашего театра, ставшее привычным. Факт этот не скроет никакими отчаянными при-

чками. Можно как угодно яростно и резко дебатировать о структуре театра, можно разрабатывать любые его модели и планы, создавать союзы, собираться с мыслями и силами, но если интерес к спектаклю, единственному показателю творческого потенциала театра, падает, дело явно недалеко.

Накануне нового сезона коллегия Министерства культуры СССР и секретариат правления Союза театральных деятелей СССР приняли постановление «О ходе подготовки театров страны к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции» — первый значительный, касающийся театрального дела документ, разработанный совместно государственным учреждением и общественно-творческой организацией. Наиболее широкой акцией сезона обещает стать смотр лучших спектаклей театров страны, который будет проходить с сентября по декабрь в восьми городах, в том числе и в Москве. На сцене открывющегося Театра драмы народов пройдет дискуссия о проблемах реорганизации советского театра, о тенденциях развития драматического, музыкального, молодежного и детского театрального искусства. В них примут участие ведущие мастера театра, творческая молодежь, драматурги, театральные критики, социологи и другие специалисты, занимающиеся проблемами художественной культуры. Словом, ожидается всесоюзная встреча, как называли эти фестивали его организаторы.

«Мы хотим показать...» — сказал на недавней пресс-конференции СТД СССР его председатель Л. Лавров, — то лучшее, чем богат сегодня советский театр». Таким образом великолепный показ наиболее значительных работ разных лет, сохранившихся в репертуаре.

Но движение искусства не терпит перерывов, художники не вправе только оглядываться на прошлые успехи. Тем более когда речь идет о театре — одном из самых, по-идее, чутких параметров состояния общественной атмосферы.

Так о каких же победах только что прошедшего сезона расскажет театр и что обпретется в дальнейшем? В постановлении министерства и сюзова впервые названы четыре спектакля, которые «привлекут внимание общественности»: «Мудромер» Н. Матюковского в Белоруссии, «Аукцион» М. Гареевой на Ук-

раине, «Помилование» М. Карнина в Башкирии и «День рождения без гостей» В. Петровски в Армении. Относиться со всем уважением к этим произведениям и их сценическим интерпретациям, возводя все-таки на себя смелость усомниться в том, что только они искривляются на сегодня достижения нашего театра. А если действительно исчерпываются — здесь есть над чем задуматься самым серьезным образом.

В том же постановлении сказано: «В репертуарных планах театров на 1987 год замечено стремление создать пьесы и спектакли, отражающие процессы перестройки в стране, революционные преобразования в общественной жизни, поднимающие острые социальные и национальные проблемы».

Однако приведенные следом конкретные названия пьес, над постановками которых «ведут работу», многие драматические театры обсуждают. Ибо это те драматические произведения, которые несколько сезонов широко идут по сценам страны, причем некоторые из них уже перестали привлекать к себе по поэтическим причинам внимание зрителя. Исключение здесь составляет «Диктатура совести» М. Шатрова — пьеса, еще оканчивающаяся поздним спектаклем М. Захарова своей дальнейшей сценической судьбы. А вот остальная «Серебряная свадьба» А. Мицкевича, «Статья» Р. Соловьева, «Изан и мадонна» А. Кулешова. Не слишком ли мало для театральной перспективы будущего?

Правда, более конкретные театральные планы, о которых уже есть сведения, включают в себя в новые драматургические имена в наименование, и кинопроизведения наиболее значительных произведений о нашей жизни как прошлой, так и настоящей. Может быть, недаром в последние времена так часто вспоминают о том, что искусство театра непредсказуемо, что от него можно ждать немало чудес. Пронизывает ли они? Трудно прогнозировать. Очевидно, лишь время покажет, с какой силой и полностью падет на зрителя пандемия, охватившая вчера и вчера занавес. Словом, вернемся к теме, которую мы любили и уважали.

Г. ДУБАСОВ.

XII ВСЕСОЮЗНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ФИЛЬМОВ

НА СВОБОДНОЙ ТРИБУНЕ СПОРЯТ...

В одной из рабочих комнат пресс-центра после просмотра трех документальных фильмов — «Чернобыль: вчерашний мир» (режиссер И. Кобрик), «Собрание» (режиссер И. Шадрин), «Городские деревенские» (режиссер Д. Лунников) — встретились кинодокументалисты, критики и журналисты, чтобы послушать и поговорить. Тон разговора о месте телевизионного кино в нашей программе ТВ задал вопрос одного из участников встречи:

— А нужно ли сегодня в самом деле телевизионное кино? С одной стороны, интерес зрителя с пиздой удовлетворяют телепередачи, с другой — домашний экран без труда демонстрирует бесконтрольное количество кинофильмов. Есть ли место для телевизионного кино как самостоятельного жанра?

Дмитрий ЛУННИКОВ: давать такие фильмы надо, не допуская компромиссов, оставаясь верным правде жизни, какой бы шероховатой она ни была, и тем самым утверждая ее поэзию и пафос.

Георгий ЛЕВАШОВ-ТУМАНИШВILI:

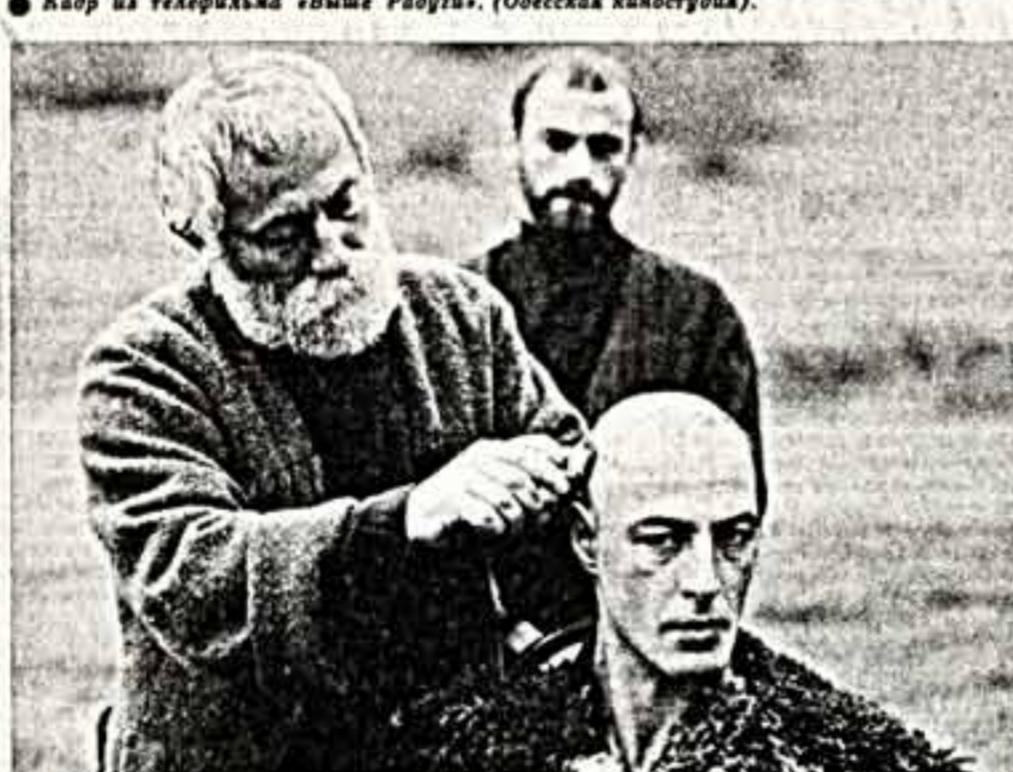
— Должен ли телевизионный сегодня разрываться свободно, не боясь соперничества с печатным словом, надо говорить о газете статье и книге. Статья может предварять книгу, откладывать на нее, но не соединять с ней по охвату и отражению действительности. К тому же телевизионные всегда были некоей исследовательской лабораторией, где открывались новые пути развития многих телевизионных жанров. Думаю, мы, несколько поостыя, от бума прямого эфира, вернемся к пониманию этого.

Безусловно, передача может приоткрыть зрителям внутренний мир человека (до статочно вспомнить встречи в Останкине), но многогранное раскрытие не только фильму, искусству, всегда было, международном фестивале, критики восторженно о нем пишут, а при массовом просмотре — кинотеатры полупустые. Высококультурное произведение оказалось слишком сложным для восприятия большинства.

Может ли кинематограф, находясь в прямой зависимости от кассовых сборов, постоянно воспитывать зрителя виной? Вряд ли. Иное положение у телевидения: оно находится на дотации государства. И именно поэтому должно создавать художественные ценности, помогающие человеку подняться на более высокую ступень культуры. А фильмы дубликаты, телепрограммы, конечно же, не нужны.

Кадр из телефильма «Выше Радуги». (Одесская киностудия).

Кадр из телефильма «Песня об Арсене». («Грузия-фильм»).

НА ПОРОГЕ 21-го

Не единого слова не произнесено ни за кадром, ни в титрах. Зачем слова, разъяснения, дополнения, когда образ найден! Найдены образы «чечня» и «небо», а также имена, и наилучшие из которых.

Последняя его картина, «Наш век» не просто больше, больше, крупнейшая предыдущих его фильмов — так, в фокусе, собралось все, что режиссер умеет, в чем достигает зрелости.

«Мастштаб здания» с первых кадров самой темой: мы сразу в нашем веке, то есть на пороге двадцатого первого, и гигантское долгое тело работы с величайшей устрашающей медленностью вылезает из шкафов, высыпавшись в часовом механизме последние цифры перед стартом, и в залах, начиненных техникой, люди в наушниках, с микрофонами открытыми у ртов, всматриваются в экраны, о чёмто переговариваются... Ракета, отдельившись от жутковатого пылающего облака, с какой-то яростью оберткой гравийной почты, пошла вперёд...

Нам, зрителям, ничего не объясняют, не подталкивают ни в чём. К обязательному выводу. Но талант — это точность. Поэтому зрителя, хоть и чувствует себя абсолютно свободным, понимает именно так, как хотел режиссер.

Например, о работе. Величие будничной, возобновляемой из дня в день работы, достойно работника — одна из стержневых мыслей в творчестве Пелешана, и в фильме «Наш век» звучит как гимн труду. Труд разрастается в подлин, но оттого, что настает известие: не только итог, но процессы, мы с полным доверием, сочувствием, сопричастно встречаем героям.

Вот они, петчики-космонавты. Мы видим их лица крупным планом в окошках сиденьев, пока над ними суетятся, как над маляндями в люльках, что-то приговаривают, пристегивают — удобной.

С очень близкого расстояния, возникает и крепнет не только личная наша замкнутовесенность в результате такого грандиозного дела, но прямо-таки тревога за судьбу за жизнь космонавтов.

Но правомерен ли этот сигнал тревоги, беспокойства? Но ведь мы знаем, что Пелешан отлиняет как дозревеющий к зрелому, так и беззречная точность. Режиссер знает, верит, что мы поймем его правильно — и он прав.

Да, сколько бы ни прошло, мы прислушивались, но испытывалось предварительно то, что звучит в моменте, моменте воспроизведения — есть творческий акт, в котором всегда присутствует процент случайности, а если хотите, риск. И сама создатель технических чудес, ученикша на ученика, до неизвестного момента не смеют не сомневаться, и не в глазах, провозглашающих космический корабль, тоже. Да, быть, что и делает из лица одухотворенным, человеческим.

Нет, не техническими чудесами должно восхищаться: главное чудо — человек! — Пелешан подводит нас к звездной своей мысли о свойственности великому. Человек — ну да чего же нельзя говорить упрощенно. Подлинно героический текст в рамках пародийной бравурности. Тем мыслей глубже, чем шире ее диапазон, от ульбки до высокой трагической поэмы.

Так сделан телефильм «Наш век», награжденный Государственной премией Армянской ССР. Но в других республиках зрителей его не видят, не видят в «москве». Я сама смотрела его в маленьком просмотровом зале Бюро просвещения кинокомиссии, тесно наблюдала зрителями, но фильм заслуживает куда более широкой аудитории.

Почему творческая судьба режиссера складывается не совсем, так сказать, скажем, сплошной, не знаю.

Она складывается из многих сдвигов, из которых, несомненно, неизбежны. Но есть и грустные.

Она складывается из многих сдвигов, из которых, несомненно, неизбежны. Но есть и грустные.

Она складывается из многих сдвигов, из которых, несомненно, неизбежны.

Сейчас на части, на наших глазах блещет человек. Тогда, давно, сейчас ли — какая разница! Это было, есть и будет. Вспомним людей с непознанным, таинственным, необоримо, потому что главная тайна — сам человек. И о нем, о человеке, и его жизни, падениях, взлетах нельзя, ни в коем случае не вспоминать говорить упрощенно. Подлинно героический текст в рамках пародийной бравурности. Тем мыслей глубже, чем шире ее диапазон, от ульбки до высокой трагической поэмы.

Но разве это не разве подтверждает, что мы не можем предвидеть будущее?

Последняя по времени пьеса Акима Тарази «Ногомышики» для Адама «напоминает танец ремарки: «Место действия — ленинградская квартира Молдаванова и фронт». А точнее, Ленинград в концлаге агии. Каирский битум заключает на сцене линии фронта. И оранжевые лягушки, еще доверенные, но уже не виноваты, еще доверенные, находятся в соседстве с даническими танками, узами, фантагориями войны — фронт прошел через быт и войну ворвалась в сны...».

Прообраз главной героини, которой называли Сашки Молдавановой — Алии Молдагуловой, — Алии Молдагуловой, герой Советского Союза, павшей смертью храбрых в восемнадцать лет.

«Комильбейская» для Адама Всесоюзном конкурсе драматических произведений, эта пьеса упала первенцу изысков барьера — она переведана на русский язык.

Рождение пьесы предшествовало долгое и внимательное изучение автором документов, документов блондинки. Писаревского кладбища, поиски на русской земле той «высоты», на

Аким Тарази:

ТРЕБУЕТСЯ ПОДЛИННОЕ МУЖЕСТВО

— Аким Уртаевич, почему вы, учитель из глухого аула, где своих всяческих проблем было по горло, другу, впервые заявился за верою, написали «Сапожников»?

— Но ведь и же учитель русского языка и литературы. Мой идеал — казахский педагог-просветитель Ибрахим Алтынсарин и, конечно, замечательный русский критик Виссарион Бенинский. Ибрахим Алтынсарин открыл первые русско-казахские школы в Кустанайской области. Мой дед — его единомышленник — был учителем русско-казахской школы в Южном Казахстане. Мой отец пошел по стопам своего отца. Он заслуженный учитель республики. Я мечтал быть и учителем, как Алтынсарин, и критиком, как Бенинский. Вот и сочинил для начала «Сапожников».

— А я вот заявился, как лестно отыграться у вас Габит Мурзенов. Сам Габит-ага, уже классик советской литературы, здрав, поразив многих, стал организатором и первым редактором сатирического журнала «Ара» — «шель». Он гордостью говорил, что в «Шелье» есть молодые талантливые фельетонисты. Вашу фамилию назвал первой.

Габит-ага буквально за пять минут круто изменил мою судьбу. В летние каникулы и со своими аудиторами учениками приехал в Алма-Ату на экскурсию. Бродили по городу. Вдруг вижу — вывеска «Ара». Дай, думаю, занять, доложил ли до них мой «Сапожников». Оказалось, что он планируется в очередном номере. А меня тут же повели знакомить с главным редактором. Габит Мурзенов читал гранит, встретил нас хмуро. «...А, это тот самый...» — глянул он на меня не очень приветливо. «Оформляйте его и наше наработку».

Теперь я особенно ясно понимаю, что Габит-ага совершил гражданский подвиг, возглавив в ту пору новорожденный сатирический журнал «Ара». Нужны были его талант и авторитет, его характер и самоотверженность, чтобы сделать журнал смелым, бескомпромиссным. За многие фельетоны Мурзенову приходилось отчаянно бороться еще до того, как они появлялись в печати. «Герои» жаловались в самые высокие инстанции. И даже сам Габит-ага не всегда выходил из этих «боев» победителем. Но всегда учил нас: коль уж решились стать сатириками, не имеете права опускать руки. Обязаны бороться.

Нам и сегодня необходимо бороться, не опускать руки. Всегда, конечно. Обращение ЦК КПСС к советскому народу в связи с 70-летием Великого Октября... И все-таки послушайте! Центральный Комитет обращается к искусству советского народа. Ломка захостелых форм, методов, привычек дается нелегко. За перestroйку надо бороться, перестройку надо защищать. Здесь нужны упорство, терпение, принципиальность. Требуются и характер, и самоотверженность.

Но случайно как-то больше думают о своем наследстве «Всезулу Букене», о том, как не просто проявлять характер, самоотверженность в мирное время, в будни. Я это испытал на собственной шкуре в начале семидесятых...

— Когда начались «бумы» вокруг вашей сатирической комедии «Всезулу Букене», мы, наши друзья, зрители очень тревожились, что, если Габит Мурзенов пытается помочь вам...

— Не столько мне, сколько Ивану Никифоровичу Худенко, противоту главного героя «Всезулу Букене» — Танаша Искакова. Я был горячим сторонником «бюллетинистов», проглагалистом этого эксперимента, который проводил в союзах «Акчи» Иван Никифорович. Сегодня авторитетные ученые уверяют, что Худенко внедрил целостную социокультурную систему, которая может стать моделью всего нашего сельского хозяйства в недалеком будущем.

Уже в начале семидесятых многие специалисты понимали, что будущее за коллективным подрядом, хорватством. Что руководители соколов и колхозов необходимо предоставить самостоятельность. Для поддержки художественного эксперимента была создана комиссия. И тоже было включено в эту комиссию.

Помните, в спектакле Казахского академического театра драмы имени М. Аузозова «Всезулу Букене» была такая мизансцена: Танаш Искаков по прозвищу Дикий Букен (Дикий лось), загнанный в угол чишиким-санжаком, бьется головой о стену. Так вот, до того, как я надумал писать «Всезулу Букене», мы, наши комиссии, пытались прошить стену бюллетинизма, показухи, волонтерства.

— На премьере «Всезулу Букене» я сидел с Худенко. Когда прекрасный артист Акын Найдасов, исполнивший роль Диких Букенов, в отчаянии кричал нам, зрителям: «Почему вы не хотят меня понять? Почему они душат эксперимент?», Иван Никифорович плакал.

— Он плакал от отчаяния. Ведь, когда шел спектакль, экспериментального союза «Акчи» как такового уже не было. Пока еще

проводится в «Форуме» второй этап.

Как не удивительно, концерты привлекли внимание публики. Привлекли по разным причинам: кто-то не видел телетрансляций, кто-то хотел посмотреть на понравившиеся исполнители «живьем», кто-то проверял собственно, сложившееся во время конкурса мнение...

А двадцать молодых певцов, впервые в жизни вышедших на престижную столичную сцену, стремились доказать, что такое право им дано не зря. Некоторые из них, например Карл Каукс (1-е место), Лариса Конецук (3-е место), Надежда Рабова (дипломант), успели за прошедшее время найти новые песни, которые представили на суд мюзикловых зрителей.

— Не будем преувеличивать: в преддверии этих концертов были любителями эстрады не Акынами в зале касс начинки, а записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки каждый вечер 2,5 тысячи мест были заполнены. Конечно, организаторышли на определенные риски — ведь многие зрители, выигравшие телеконкурсы, покрасились. Однако решили изменить складывающуюся традицию — выступления «Форума» и дипломантов «Юрмала-87»

проводятся в «Форуме» второй год.

Как не удивительно, концерты привлекли внимание публики. Привлекли по разным причинам: кто-то не видел телетрансляций, кто-то хотел посмотреть на понравившиеся исполнители «живьем», кто-то проверял собственно, сложившееся во время конкурса мнение...

А двадцать молодых певцов, впервые в жизни вышедших на престижную столичную сцену, стремились доказать, что такое право им дано не зря. Некоторые из них, например Карл Каукс (1-е место), Лариса Конецук (3-е место), Надежда Рабова (дипломант), успели за прошедшее время найти новые песни, которые представили на суд мюзикловых зрителей.

— Не будем преувеличивать: в преддверии этих концертов были любителями эстрады не Акынами в зале касс начинки, а записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

записывались заранее. Были продавались сплошной, без традиционного для зала «Форума» анкетами. И все-таки

После публикации статьи «О подлинных ценностях и мифах врагов» в редакции то и дело раздавались междугородные звонки. Звонили и молодые ленинградцы из группы «Спасение», они требовали их выслушать: «До каких пор вы будете ставить нас в один ряд с экстремистами из общества «Память»? Так чего же хочет «Спасение»? С чем эта группа вышла на кипящую страницу арену общественного мнения?

ГОРОД — В НАСЛЕДСТВО

...Наши разговоры затягивались далеко за полночь. Мы выходили шумной, продолжающей спорить гурьбой из подъезда на улице Халтурину, отремонтированным руками его новых хозяев, и брали по затихшим улицам. Белые ночи. В их зыбком, изменчивом свете видна была Коницкая площадь, чуть запрокинутая голова Пушкина на фоне падающего неба, мерцание каналов...

Город, воплотивший в своих ансамблях историю России и ее культуры за два с половины столетия. Неповторимый, пришедший к нам из прошлого сохранившийся. И кому тут виновато? То ли замечательным зданиям, строившим его так, что последующие инвесторы всяческих переустройства опускали занесенную уму руку, то ли ревнителям классических традиций, что в наши уже дни не позволяли изменить строгого силуэта чужими ему «необскребами», или кудесникам-реставраторам, возрождавшим в новой жизни разрушенное в годы войны?

30 миллионов рублей ежегодно — около половины реставрационного бюджета республики расходуются в Ленинграде. Не случайно и само понятие «экология культуры» родилось здесь: сама идея нашего сосуществования со столетними сформированными культурной средой обострило и личностно воспринята именно ленинградцами. Ведь она, естественно, тесно сидела с тем, особым, исторически сложившимися ленинградским патриотизмом, что был крепко замешан на величии города Петра, пронизан ее европейским духом, связан с его просвещенным рабочим классом, его интеллигенцией, революционными традициями. «Сфинкс», мои древние друзья, одноко стоят на полуостровной набережной... На Неве темная синевка воды работает над падающими круизами мокрого снега... Я каждый день и каждый час возвращаюсь переживая видение этой дивной ленинградской панорамы. Выходя из дверей парламента, я первым взглядом убеждаюсь: цели сфинкса, цели Исаакия, цели Адмиралтейской ильи... — с какой-то почти истиленной нежностью писала в своих «подземных записках» одна из ленинградцев, Георгий Алексеевич Князев, директор академического архива. Писал в далёкий от Победы блокадный день. И там вспоминает этот услышанный нами сквозь топот лет звук облегчения — «цель»...

Как быстро стареет жизнь поколений, исчезают премьеры быта, меняются цвет, характер времени — а город остается. Его улицы, площади, каналы, здания... После войны в Ленинград вернулись не все его прежние жители: опустевшие дома, квартиры умерших в блокаде заселялись приезжими. Но знаменательно, что все они учились ленинградские черты поведения, ленинградское отношение к городу, который и недавний житель псковской деревни научил вскоре считать своим, бесконечно им гордясь... Что-то могущее в красote mostov, видом с которых любовался Достоевский, в расплывчатой и реке Сенатской площади, искаженный разорвавшей Блоню, могучее, властно подчиняющее душу, сообщающее уверенность, что ты не просто там живешь на свете, как сплавленное эзеро в цепях поколений. Потому в этом городе, где дороги все — от деревянных проспектов и шедевров водостока до незаметных улиц со строгим ритмом обветренных, потемневших от непогоды домов — веди и в то, и в другое вложены талант и чувство прекрасного, и то, и другое слилось, гармонически соединилось в едином целом, ставшим памятником отечественного градостроительства. Одни из редких примеров, когда ежедневное общение с архитектурой воспитывает больше словесных назиданий о культуре и патриотизме.

О чём же мы вели разговоры с нашими молодыми собеседниками? О самом наблюдении: о том, что в последние десятилетия город занят не проблемами, потускнувшими, том, что подсыпалось, а утратой привычных традиций и ценностей. Подлинная интellektualnostь основательности в суждениях, порядочность наконец начали трактоваться как чудачество. Исподволь набирали силу конъюнктурные, безжалостные и даже аморальные тенденции.

И внешний облик города как бы разделился: припоминания антикварии — для иностранных туристов, неуклонно нараставшие — для «своих». То есть, там стало разделяться уничтожительное: приносимое в том числе и отечественными учёными, а также имена Лихачева и Гранина, людей в городе увидевших, практические исчезнувшие из страниц городской печати, вообщем в графе общественное мнение: стояла большая пропасть, между теми, кто учёными, а также именами приносимые, это те, которые, совсем не давно, ушли в путь преобразования одинаково пронзив сантонгой, поразивши ленинградцев: хватит, мол, пить слезы по старому Петербургу, люди в городе жить, не мучиться, не пытаться это исправить, не научиться и нравственность это делаем! Не становится ли она «охранной грамотой бедствия», а то и наносимого им вреда?

Как реакция на фасадное, внешне благополучие, на безразличие местных властей начали появляться самодеятельные группы и неформальные объединения. Нет, не по прихоти вышибшихся из социальных структур, олиючилая шел этот стихийный процесс. Он был вызван скоплением проблем, годами не решаемых, а главное — широко развернувшимся процессом демократизации нашей жизни, курсом партии на всесмерное развитие инициативы и самодействия народа. Особую привлекательность имели экологическая и культурно-историческое движение. В них-то хлынула молодёжь с нарастающим запросом социальной активности: «Петербург», «Мир», «Новый мир» и, разумеется, «Спасение». Впрочем, полное название — Группа спасения памятников истории и культуры Центра творческой инициативы при горкоме ВЛКСМ...

ЛОПАТОЙ ИЛИ ПЛАКАТОМ?

Какое же место они заняли в общественной жизни, что вносят в развитие демократии и самоуправления? А если все еще на отшибе, то чем это объясняется?

Легче всего, наверное, похвалить «Мир». Группа возникла еще 15 лет назад. И никого не спрашивала, что ей делать. Павловский, Летний сад, мосты, скверы Екатеринин, церкви в Мурине — вот объекты приложения сил добровольцев. Заместитель председателя горисполкома В. Матвиенко сформулировала четко: «Вот такие, как «Мир», нам и нужны, тихо, скромно, без шума делают свою дело». Знала бы Валентина Ивановна, что за этой «тишиной» Ведь энтузиасты не просто помогают реставраторам, а часто входят с ними, с Госинспекцией по охране памятников, а само право спасать аварийные здания.

Во-вторых, и ребята из «Спасения» не раз выходили на субботники, участвовали в благоустройстве Смоленского кладбища, работали на поле Невской битвы. Однако тут дело не только в лежачему упреке. Что больше всего тешит порой администрации? Когда общественный интерес и реставрация ограничиваются выполнением добровольцами самой примитивной в глазах работы — вынести из-под снега, перетаскать курильницу?

Позорный финал реставрации последней квартиры А. С. Пушкина на Мойке, 12, тому пример Смолю ленинградцев безотказно, от чистого сердца трудились здесь. В то же время строители занимались откровенной халтурой, пынистовали, выбивали деньги из заката.

На смотровой площадке Исаакиевского собора.

Фото М. Блохина и Н. Науменкова [ТАСС].

ПОНЯТЬ — ЗНАЧИТ ПОМОЧЬ...

а. Недобросовестность, проволочки строителей поставили служащих музея в стрессовые условия: им в канун открытия квартиры на Мойке пришлось размещивать материалы экспозиции в помещениях, где все еще работали строители. И вот давно ли с помпой открыли «музей», раздали награды и уже... закрыли его на ремонт. Осыпается краска, пучится паркет, перекосило двери. Такие «подарки к юбилеям» и намерены предотвращать витязи, используя силу общественного мнения, гласности, чтобы...

а. Николащенко, ведающий застройкой в исторической части города, провел вместе с советом по экологии встречу с представителями общественного объединения ряда проектов, в частности — идей пешеходного Невского.

А в начале августа в ГлазАПУ состоялся «круглый стол» на тему «Архитектура и горожане», в заседании которого приняли участие главный архитектор города, главный художник, представители практических всех градостроительных организаций. В общем оказалось, что для общественных групп найдется место в сложном, но необходимом сегодня взаимодействии профессионалов и горожан. И что важны не только их лопаты на субботнике, но и их соображения, идеи, встречные доводы.

Немалую, если не определяющую роль сыграло заинтересованное, деловое, мы бы сказали, внимание со стороны Фонда культуры СССР, его создателей и руководителей академии Дмитрия Лихачева и Георгия Васильевича Масникова. Оба отнеслись к ребятам решительно: что они по-другому понимают политическую антиутончность, что мы с таней «Памятью» не по пути. И даже не пустые интриги со стороны и самого Дома. Они обсудили более серьезные вопросы для этого города: привлечение к нему памятников воинской славы, судьбы деревянного зодчества, экономические и правовые вопросы национального капитального ремонта. Ими же были предложены...

а. Тогда было празднование Достоевского, Харлена, симфонии Фонтанки, дома дамы — дома спасения Анны Ахматовой. А в самом начале спасенного дома Дельвига, когда преградили путь весенне-шаржирующей шар-бабе...

Ну и субботники тоже. Кстати, на Смоленском кладбище, с海棠花鸟图案的花坛旁，矗立着著名的建筑师 С. Соловьев, работавший по управлению культуры, членом парткома университета. Все группы, входящие в совет по экологии культуры, высказали «номенклатуру» для помощи в ремонте помещений Ленинградского отделения Фонда культуры.

Но случайному кажется и обращение к, казалось бы, скучному профессиональному вопросу — комплексному капитальному ремонту (сокращение ККР).

«Любопытный пример того, как благо обрачается злом. Дело, замысленное как новаторство! Сохранить весь старый жилой фонд, всю рядовую застройку прошлого века, а именно она вместе с шедеврами архитектуры придет городу на Неве его неповторимость. Опыт стал фиксировать как перспективы «одним выстрелом убить двух зайцев»: дома сохранить и освободить от проклятия коммуналок. Но с заманкой перекрытий, что предусматрено правилами ремонта, гибнут циничные, тщательно продуманные художниками прошлого интерьера...» Что же, метод оказался плох? Нет, идея была прекрасна. Если, конечно, воплощать ее творчески. В ряде зарубежных стран идея ленинградцев с успехом принята на вооружение. Но следует учсть: ККР в идеале подлежат не все, а действитель но ветхие здания. Много говорится о выборочном, щадящем ремонте, который позволяет сохранять ценные интерьеры. Подсчитано, что и обходится он куда дешевле. Однако слишком сильная инерция ведомственного гостроевского механизма. Капитальный ремонт (читай — полная замена перекрытий) с его дорогоизносом выходит строителям. Там, где государство в целом, в вместе с ним город теряют, ведомство приобретает. Словом, виной всему — давно наблюдавшийся склонность превратить «Памятку», за которую отдаются общественные группы, в «запасной арсенал».

Но случайному кажется и обращение к, казалось бы, скучному профессиональному вопросу — комплексному капитальному ремонту (сокращение ККР).

«Любопытный пример того, как благо обрачается злом. Дело, замысленное как новаторство! Сохранить весь старый жилой фонд, всю рядовую застройку прошлого века, а именно она вместе с шедеврами архитектуры придет городу на Неве его неповторимость. Опыт стал фиксировать как перспективы «одним выстрелом убить двух зайцев»: дома сохранить и освободить от проклятия коммуналок. Но с заманкой перекрытий, что предусматрено правилами ремонта, гибнут циничные, тщательно продуманные художниками прошлого интерьера...» Что же, метод оказался плох? Нет, идея была прекрасна. Если, конечно, воплощать ее творчески. В ряде зарубежных стран идея ленинградцев с успехом принята на вооружение. Но следует учсть: ККР в идеале подлежат не все, а действитель но ветхие здания. Много говорится о выборочном, щадящем ремонте, который позволяет сохранять ценные интерьеры. Подсчитано, что и обходится он куда дешевле. Однако слишком сильная инерция ведомственного гостроевского механизма. Капитальный ремонт (читай — полная замена перекрытий) с его дорогоизносом выходит строителям. Там, где государство в целом, в вместе с ним город теряют, ведомство приобретает. Словом, виной всему — давно наблюдавшийся склонность превратить «Памятку», за которую отдаются общественные группы, в «запасной арсенал».

Урок этот стоит запомнить всем. Проблема вытекающая из деятельности неформальных объединений, возможно, еще не раз станет перед нами.

Мы винимали в суждении своих молодых соединений, много с ними спорили. Составляли разные точки зрения, в том числе и услышанные в руководящих кабинетах... Да, подчас ребята говорят горячо, сиюично. Но ведь чисто говорят. И когда у человека от долгого молчания сел голос, не надо морочить, а сказать, что он хрипит. Надо подумать, в чем тут причина. Вслушаться: чего же хочет «улана-могилы»?

На памяти у многих слова Чернышевского насчет истории, не похожей на гладкий тротуар Невского проспекта. Откуда же такая ностальгия по настолько дорожкам? Почему мы думаем, что демократизация сулит нам стерильную общественную жизнь и всеобщее согласие? Настоящее «живое творчество масс», о котором мечтал Ленин, — это набор блестящих примеров для прайдничного доклада? Это не ровные ширени демонстрантов, по-сплошь вытянутые подчеркнутыми буквами? А это склонность демонстраций к «однотипным» стилям? А это склонность к «запасному арсеналу»?

Мы винимали в суждении своих молодых соединений, много с ними спорили. Составляли разные точки зрения, в том числе и услышанные в руководящих кабинетах... Да,

подчас ребята говорят горячо, сиюично. Но ведь чисто говорят. И когда у человека от долгого молчания сел голос, не надо морочить, а сказать, что он хрипит. Надо подумать, в чем тут причина. Вслушаться: чего же хочет «улана-могилы»?

На памяти у многих слова Чернышевского насчет истории, не похожей на гладкий тротуар Невского проспекта. Откуда же такая ностальгия по настолько дорожкам? Почему мы думаем, что демократизация сулит нам стерильную общественную жизнь и всеобщее согласие? Настоящее «живое творчество масс», о котором мечтал Ленин, — это набор блестящих примеров для прайдничного доклада? Это не ровные ширени демонстрантов, по-сплошь вытянутые подчеркнутыми буквами? А это склонность демонстраций к «однотипным» стилям? А это склонность к «запасному арсеналу»?

Урок этот стоит запомнить всем. Проблема вытекающая из деятельности неформальных объединений, возможно, еще не раз станет перед нами.

Мы винимали в суждении своих молодых соединений, много с ними спорили. Составляли разные точки зрения, в том числе и услышанные в руководящих кабинетах... Да,

подчас ребята говорят горячо, сиюично. Но ведь чисто говорят. И когда у человека от долгого молчания сел голос, не надо морочить, а сказать, что он хрипит. Надо подумать, в чем тут причина. Вслушаться: чего же хочет «улана-могилы»?

На памяти у многих слова Чернышевского насчет истории, не похожей на гладкий тротуар Невского проспекта. Откуда же такая ностальгия по настолько дорожкам? Почему мы думаем, что демократизация сулит нам стерильную общественную жизнь и всеобщее согласие? Настоящее «живое творчество масс», о котором мечтал Ленин, — это набор блестящих примеров для прайдничного доклада? Это не ровные ширени демонстрантов, по-сплошь вытянутые подчеркнутыми буквами? А это склонность демонстраций к «однотипным» стилям? А это склонность к «запасному арсеналу»?

Мы винимали в суждении своих молодых соединений, много с ними спорили. Составляли разные точки зрения, в том числе и услышанные в руководящих кабинетах... Да,

подчас ребята говорят горячо, сиюично. Но ведь чисто говорят. И когда у человека от долгого молчания сел голос, не надо морочить, а сказать, что он хрипит. Надо подумать, в чем тут причина. Вслушаться: чего же хочет «улана-могилы»?

На памяти у многих слова Чернышевского насчет истории, не похожей на гладкий тротуар Невского проспекта. Откуда же такая ностальгия по настолько дорожкам? Почему мы думаем, что демократизация сулит нам стерильную общественную жизнь и всеобщее согласие? Настоящее «живое творчество масс», о котором мечтал Ленин, — это набор блестящих примеров для прайдничного доклада? Это не ровные ширени демонстрантов, по-сплошь вытянутые подчеркнутыми буквами? А это склонность демонстраций к «однотипным» стилям? А это склонность к «запасному арсеналу»?

Мы винимали в суждении своих молодых соединений, много с ними спорили. Составляли разные точки зрения, в том числе и услышанные в руководящих кабинетах... Да,

подчас ребята говорят горячо, сиюично. Но ведь чисто говорят. И когда у человека от долгого молчания сел голос, не надо морочить, а сказать, что он хрипит. Надо подумать, в чем тут причина. Вслушаться: чего же хочет «улана-могилы»?

На памяти у многих слова Чернышевского насчет истории, не похожей на гладкий тротуар Невского проспекта. Откуда же такая ностальгия по настолько дорожкам? Почему мы думаем, что демократизация сулит нам стерильную общественную жизнь и всеобщее согласие? Настоящее «живое творчество масс», о котором мечтал Ленин, — это набор блестящих примеров для прайдничного доклада? Это не ровные ширени демонстрантов, по-сплошь вытянутые подчеркнутыми буквами? А это склонность демонстраций к «однотипным» стилям? А это склонность к «запасному арсеналу»?

Мы винимали в суждении своих молодых соедин

9 СЕНТЯБРЯ—ГОДОВЩИНА ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ КНДР

В ногу с временем

В шеренге современных зданий улицы Сынин, широкой лентой пересекающей центральную часть Пхеньяна, трехэтажный, светло-серый дом, к которому и подходит, выглядит неказистым.

В дневное время, когда еще по-летнему щедрое сентябрьское солнце озаряет город, иностранные гости, да и сами горожане обычно приходят в этот район полюбоваться грандиозными изысканными формами расположившегося неподалеку Дворца народной учёбы, напоминающего бедуску великаном с традиционной корейской гравюры, или укрыться в прохладе темных аллей.

Но наступает вечер, сгущаются сумерки, и интерес прохожих привносится скромное здание, которое в дневные часы никто не замечает. Здесь работает коллектив популярного в КНДР Пхеньянского драматического театра.

Прошу заместителя директора по художественной части Юн Чхан Хи пропустить беседу во в его рабочем кабинете, а прямо в небольшом, но очень уютном зрительном зале. На сцене, где декорации как бы выхватили дескоточку неизвестного быта корейской деревни начала века, готовились к репетиции.

— Наша труппа по праву считается одной из старейших в КНДР. Ведь днем своего основания она считается 23 мая 1946 года, — начал Юн Чхан Хи. — И сегодня можно с уверенностью сказать, что творческий путь коллектива неразрывно связан с историей Республики. Каждой новой работой артисты театра стремятся откликнуться на задачи, стоящие перед страной. Вспомним первый спектакль, поставленный в далеком 1946-м, наскоро сколоченную из грубых досок сцену. Это была пьеса «Гром», которая рассказывала народу, сбросившему с себя ярмо японского господства, о германских странах борьбы за независимость. В 1950 году, когда американский империализм развязал агрессию войну против Кореи, все артисты выехали в действующую армию в составе фронтовых бригад, чтобы вдохновлять бойцов на победу. Многие из наших актеров сражались в частях Корейской народной армии. В боях с американским захватчиками потерял руку народный артист Республики Хван Чхон, неизвестного быта ко-

рейской деревни начала века, готовились к репетиции.

— Наша труппа в послевоенных постановках театра, — продолжает Юн Чхан Хи. — Вероломное нападение империалистических сил обернулось колоссальными бедствиями для корейского народа. Почти каждая сцена называла грядущую утрату. Были стерты с лица земли сотни деревень, разрушены тысячи промышленных предприятий и жилых домов. В Вашингтоне уверяли, что потребуется более сотни лет, чтобы нормализовать жизнь в республике. В то время в Пхеньянском драматическом театре родилась идея поставить пьесу «Великая сила», рассказать о напряженных годах восстановления народного хозяйства, о рабочем классе, который вынес на своих плечах основную тяжесть борьбы с разрухой.

И сегодня мы стараемся идти в ногу с временем. В репертуаре театра пьесы о наших современниках, тружениках полей и заводов, выдающихся исторических личностях, которые внесли вклад в становление освободительного

движения корейского народа. Мы также не имеем права забывать о том, что по вине США Корея до сих пор расколота на две части. Что на юге находятся до зубов вооруженные империалистические силы, обернувшись колоссальными бедствиями для корейского народа. Почти каждая сцена называла грядущую утрату.

— Трудящиеся Румынии, весь румынский народ высоко оценили первые спектакли, поставленные в далеком 1946-м, наскоро сколоченную из грубых досок сцену. Это была пьеса «Гром», которая рассказывала народу, сбросившему с себя ярмо японского господства, о германских странах борьбы за независимость. В 1950 году, когда американский империализм развязал агрессию войну против Кореи, все артисты выехали в действующую армию в составе фронтовых бригад, чтобы вдохновлять бойцов на победу. Многие из наших актеров сражались в частях Корейской народной армии. В боях с американским захватчиками потерял руку народный артист Республики Хван Чхон, неизвестного быта ко-

РУМЫНИЯ: ПРАЗДНИК ИСКУССТВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

прошедших после победы Великого Октября, на успехе по-перестройке советского общества, — сказал заместитель председателя Совета по культуре и социалистическому воспитанию ССР Михаил Дудя.

Большим интересом у жителей и гостей румынской столицы пользуется выставка «Ленин, Октябрь, современность», экспонаты которой рассказывают о становлении и развитии первого в мире социалистического государства.

— Трудящиеся Румынии, весь румынский народ высоко оценили достижения народов Советского Союза за 70 лет,

чайшей социальной революции в мире.

Жители румынской столицы знакомятся с героической летописью гражданской и Великой Отечественной войны, становлением народного хозяйства, эпохой освоения космоса, боевыми подвигами международной безопасности в Ассоциации кинематографистов Румынии встречи советских деятелей кино Р. Николаева, В. Глаголевской, В. Меньшикова и В. Алентовой с румынскими коллегами.

О. ШИРОКОВ.
(Корр. ТАСС — специально для «Советской культуры»). БУХАРЕСТ.

Не находят дороги

НА ЗАРУБЕЖНЫЙ РЫНОК МНОГИЕ СОВЕТСКИЕ ТОВАРЫ. ПОЧЕМУ? ФИНСКИЙ БИЗНЕСМЕН ГОВОРИТ ОБ ЭТОМ ОТКРОВЕННО

— Ясное дело, потому, — может ответить читатель. — Качество, что называется, вышли...

А мой собеседник не столь категоричен — фирма «Тексекс», где он работает заместителем директора, почти тридцать лет торгуется с Советским Союзом. Часть ее каталога отдана двум выставочным залам, «Именно здесь», — объясняет Юрий Путин, — наша фирма намереназнакомить оптовых покупателей с советскими товарами.

Речь не о популярных в Финляндии «Ладах» и «Саманах», а о предметах народного потребления. Ирическим, именем, которые и в нашей стране числятся в категории достаточного ассортимента. Вот один из партнеров «Тексекса» — всемирное объединение «Новомосковсорт», продающее за границу деревянные изделия хозяйствственно-бытового назначения, садово-огородный инвентарь, фарфор и керамику, ковры, продукцию кустарно-художественных производств, принадлежащих техническим творчеством. Фирма «Тексекс» послал приглашение десятку внешнеторговых объединений СССР: жаждут воспользоваться бесплатно нашей экспозиционной площадью для демонстрации своих товаров, бережно познакомить ими представителей охотников и розничных торговцев. Любое западное предприятие с радостью ухватилось бы за такую возможность. Наши объединения размешали два месяца и ответили кратко: мол, благодарим, однако сообщаем, что в Хельсинки есть выставочные помещения советского тогпредства.

Что это — болезнь деловых контактов? Неразворотливость? Нежелание иметь линейные хлопоты?

Да, финский рынок насыщен, например, тем, что не менее нескольких лет отдает предпочтение ряду советских товаров. Среди них, например, детские велосипеды из Латвии. По рекомендации «Тексекса» завод внес в конструкцию не значительные изменения, улучшил их дизайн, и теперь эта машина стала самой популярной, что опровергнула фирма «Ламиннахко», выходящая с ней на шведский рынок.

— Увы, — констатирует ут Юрий Путин, — импортируем мы очень мало, хотя... Я знаю, в Советском Союзе часто пишут о необходимости повышать качество. Наверное, не без причины. Но я отнюдь не склонен ставить знак равенства между фразами «сделано в СССР» и «сделано плохо».

Многие из товарных знаков, что входят в наш каталог, известны, что товары широкого потребления из СССР пользуются хорошим спросом в США, Финляндии, Англии.

Тогда отчего же невелик импорт «Тексекса»?

Заместитель директора приводит случай из собственной практики. Сотрудники фирмы, приехавшие в Москву, ли, в столице союзной республики, отправляются в университете, где и находятся на прилавках то, что привлечет внимание владельцев финских магазинов. Идут во внешнеторговое объединение с предложением: давайте попробуем продвинуть это на финский рынок. А объединение и не ведет о существовании такого товара, начинают выяснять, что его выпускают, в каких количествах? Бегут, недели, месяцы.

Позицию ли объединение в подобном неведении? Юрий Путин склонен видеть в том не иначе, а буду своих советских коллег. Суть ее очевидна — заводы-изготовители не привыкли пока и стремлению продать продукцию за рубеж. Значит, отсутствует и система доставки с фабрик, заводов образцов-новинок во внешнеторговое объединение.

Или: увидели концепт, которые, по убеждению работников фирм, многим в Финляндии пришлись бы по вкусу. Как водится, запросят образцы и получат... однажды единственный коробку. Давали на пробу владелец магазинов по конфетам, и т.д. Или: увидели концепт, которые, по убеждению работников фирм, многим в Финляндии пришлись бы по вкусу. Как водится, запросят образцы и получат... однажды единственный коробку. Давали на пробу владелец магазинов по конфетам, и т.д.

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

— Нам движет выгоды, — говорит в заключении Юрий Путин. — Чем больше мы купим в Советском Союзе, тем больше в продажи ему. У нас в стране покупать захотят, пора учиться и продавать...

